

Lucan Way**Pluralism
by Default****Weak Autocrats and
the Rise of Competitive Politics**

Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015

Новая монография Лукана Вэя “Плюрализм по умолчанию: слабые автократические лидеры и развитие конкурентной политики” вносит заметный вклад в наше понимание динамики изменений режима в странах бывшего Советского Союза, и не только в них. Главный тезис, выдвигаемый автором, лаконичен, но заставляет задуматься: то, что изначально казалось процессом “демократических преобразований” после распада СССР, скорее является странным видом политической конкуренции. Эта конкуренция стала следствием неудачных попыток построить стабильные автократические режимы в бывших советских республиках.

В хаосе, воцарившемся после того, как Михаил Горбачев упразднил советские институты управления, потенциальным автократическим лидерам было сложно установить монополию на государственную власть, отчего возник относительно новый, квазидемократический вид государственного управления, просуществовавший некоторое время во многих бывших советских республиках. Но заты-

нувшееся существование подобного посткоммунистического «плюрализма по умолчанию» имеет мало общего с демократией, если говорить о тех ее признаках, которые обычно выделяются в классических политологических трудах — идет ли речь о формальных институциональных принципах, закрепленных в конституции и избирательных законах; силе или слабости гражданского общества; или уровне приверженности государственной элиты идеологическим принципам демократии.

Напротив, судьба плюрализма в бывших советских республиках, утверждает Вэй, всегда зависела от природы государственных институтов и социальной структуры, унаследованных от коммунистического прошлого. В постсоветских странах со слабым потенциалом государственности и отсутствием консенсуса по поводу национальной идентичности попытки тех или иных лидеров построить автократическое государство до сих пор наталкиваются на сопротивление; напротив, в постсоветских странах, где имеется бóльший управленческий потенциал и относительное

согласие по поводу единой национальной идентичности, существует более благодатная почва для автократической консолидации.

Если тезис Вэя верен, он может перевернуть с ног на голову значительную часть политологических знаний. Такие выдающиеся ученые, как Дэнкварт Растоу, Альфред Штепан и Хуан Линц, давно настаивают на том, что единое чувство национальной идентичности является ключевым для успешной демократической консолидации; Вэй настаивает на обратном, утверждая, что автократические лидеры скорее преуспевают в странах, где нет значительных разногласий относительно национальной идентичности¹. Генри Хейл в одной из своих последних работ утверждает, что политика постсоветских режимов может рассматриваться как серия попыток выстроить “пирамиды власти” вокруг одного патрона; движущей силой здесь выступает рациональный выбор обычных людей, стремящихся защитить свои политические и экономические интересы в условиях высокой неопределенности² (рецензию на книгу Г. Хейла см. *Контрапункт*. 2015. Декабрь. №2. URL: <http://www.counter-point.org/paternal-politics-eurasian-regime-dynamics-in-comparative-perspective/> — Прим. ред.); Вэй же, напротив, доказывает, что ключевым фактором для определения того, насколько успешно общество противостоит установлению автократии, является наличие или отсутствие социальных групп, ощущающих глубокую эмоциональную связь с осознаваемой ими коллективной идентичностью. И внешнеполитические эксперты, и сами региональные политики часто изображают бывшее советское “пространство” как арену, на которой Кремль и НАТО успешно реализуют свои возможности для воздействия на соседние государства; Вэй, в свою очередь, утверждает, что постсоветский “плюрализм по умолчанию” до сих пор препятствовал как

России, так и Западу в осуществлении их стратегических целей.

Очевидно, что оценка теоретических и эмпирических утверждений Вэя сильно повышает ставки. Насколько убедительны его аргументы? Стремясь подтвердить свои смелые утверждения, Вэй применяет метод, знакомый нам по его недавней работе со Стивеном Левицки. Этот метод сочетает в себе тщательное “отслеживание процесса” изменений режима в выбранных странах и широкий обзор случаев, которые представляются автору похожими на ранее изученные. В частности, Вэй рассматривает отличные друг от друга постсоветские судьбы Украины, Молдовы и Беларуси — этим странам часто уделяют недостаточное внимание, поскольку анализ изменений постсоветских режимов в первую очередь сосредоточен на событиях, происходящих в Российской Федерации.

Вэй утверждает, что и на Украине, и в Молдове государственные элиты унаследовали со времен Горбачева, с одной стороны, слабые институты принуждения, а с другой — внутренние различия, препятствующие формированию национальной идентичности; эти различия сохраняются до сих пор и делают практически невозможным построение эффективных государственных институтов с широкой социальной легитимностью. На Украине президенты и премьер-министры, включая Леонида Кравчука, Леонида Кучму, Виктора Ющенко, Юлию Тимошенко, Виктора Януковича и — теперь — Петра Порошенко, рано или поздно обнаруживали, что все попытки мобилизовать для поддержки государственных институтов как “украинофильские” социальные группы в Западной Украине, так и “русофильские” в Восточной неизбежно приводят к обострению подсудных страхов и обид, отчего вторая сторона начинает ощущать себя чужой, исключенной из общего проекта государственного строительства. В итоге все попытки построить долговечные “партии власти” и движения в поддержку режима потерпели крах, и государственные элиты, напротив, оказались в зависимости от региональных бизнес-“олигархов”. Это раз за разом приводило к расколу внутри исполнительной власти — из-за

1 RUSTOW D., *Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model* // *Comparative Politics*. 1970. April. Vol. 2, № 3. P. 337-363; LINZ J.J., ШТЕПАН А., *Problems of Democratic Transition and Consolidation, Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.

2 HALE H. *Paternal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

взрывов общественного гнева на коррумпированный режим и оттого, что переменчивые региональные бароны переключали лояльности, руководствуясь сиюминутными интересами. Парадоксальным образом, однако, неудачи государственного строительства в Украине способствовали сохранению относительно плюралистического политического климата в стране на протяжении более чем четверти века. Нечто похожее происходило и в Молдове, где отделение Приднестровья, осуществленное на раннем этапе в результате действий пророссийских вооруженных сил, а также противоречия между “прорумынскими” и “русофильскими” социальными группами не позволили президентам Мирче Снегуру, Петру Лучинскому и Владимиру Воронину консолидировать автократическую власть. И вновь результатом стало коррумпированное и слабое государство, в котором, тем не менее, все еще возможны различные формы политической мобилизации и самовыражения.

Напротив, в Беларуси, по утверждению Вэя, ключевые репрессивные институты — в частности, белорусское КГБ — остались более или менее неизменными после развала Советского Союза, а все население, за исключением небольшого меньшинства, с советских времен объединяет сущностно “русофильское” представление о собственной национальной идентичности. Конечно, подобное национальное единство не обязательно приводит к возникновению постсоветской автократии, — об этом свидетельствуют изначально прозападная ориентация Станислава Шушкевича и более поздние непоследовательные попытки государственного строительства, предпринятые Вячеславом Кебичем. Но как только на выборах президента Беларуси в 1994 году победил Александр Лукашенко — бывший председатель колхоза, оказавшийся умелым лидером, стремившимся к установлению авторитарной власти, сочетание относительно сплоченных репрессивных институтов страны и общенационального пророссийского консенсуса уже не позволило общественным силам страны оказать существенное сопротивление консолидации власти в руках одного человека. Те, кто предпринимал героические

усилия, пытались противодействовать Лукашенко и его все более жесткой репрессивной политике в отношении оппозиционных партий, негосударственных организаций и независимых бизнес-элит, вскоре оказались в изоляции — не было оснований ожидать, что хоть в одном значимом регионе страны антиправительственные настроения примут массовый характер. Итогом стал консолидированный авторитаризм, сохраняющийся до сих пор.

В заключении “Плюрализма по умолчанию” дается краткий обзор перемен в постсоветских режимах девяти других бывших советских республик (за вычетом стран Балтии), призванный показать, что описанная выше логика развития характерна для всего региона. Постсоветские страны, в которых имеет место относительное общественное согласие по поводу национальной идентичности и достаточно сильны управленческие возможности государства, — Вэй включает в их число не только Беларусь, но и Россию, Армению, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан и Казахстан, — превратились в консолидированные автократии. Напротив, страны с расколотой национальной идентичностью и/или слабой государственностью, среди которых не только Украина и Молдова, но и Грузия, Кыргызстан и Таджикистан, сохранили большой политический плюрализм — в некоторых случаях переходящий в стадию настоящей гражданской войны.

Однако по мере того, как в сферу рассмотрения Вэя попадает все большее число государств, ему приходится признать наличие некоторых аномалий, не укладывающихся в его объяснительную конструкцию. Например, в случае Грузии автор утверждает, что относительная зависимость страны от поддержки США для противостояния враждебной России сделала страну “сравнительно восприимчивой к принуждению к демократизации извне” (С. 155) — в результате чего политический плюрализм в Грузии выше, нежели следует из теории Вэя. Тем временем в Таджикистане президент Рахмон сумел консолидировать авторитарное правление и удерживать его на протяжении более двадцати лет, несмотря на глубокие различия национальной идентич-

ности и довольно слабые государственные структуры. Причиной этой аномалии Вэй считает “узбекскую и российскую поддержку” (С. 161). Автор пытается модифицировать свою теорию, отмечая, что и в Грузии, и в Таджикистане имела место не просто слабость институтов принуждения, как на Украине и в Таджикистане, но и полный распад государственности. Однако поскольку разрушение государства в Грузии привело к относительно демократическим результатам, а в Таджикистане к относительно авторитарным, не вполне понятно, как именно эта дополнительная переменная может быть встроена в логику изначальной теории Вэй.

За пределами этих двух случаев читателю может быть интересно, нет ли среди постсоветских режимов других примеров, которые не очень укладываются в аргументацию автора. В конце концов, в ранний постсоветский период считалось, что в Казахстане существует раскол между северными регионами, где проживает русскоговорящее население, и южными, где преобладают этнические казахи. Вэй признает, что по сравнению с такими лидерами, как Ислам Каримов и Туркменбаши, президент Назарбаев изначально “обладал относительно слабыми рычагами государственного контроля” (С. 157). Почему же в таком случае Казахстан избежал неэффективного государственного режима и “плюрализма по умолчанию”, подобного тому, что существует в Украине и Молдове? Доводы Вэй о том, что Назарбаева в действительности можно рассматривать как лидера, обладающего мощной управленческой структурой, поскольку в конце 1990-х он контролировал растущие доходы от продажи нефти, кажутся сильной натяжкой. Похожие сомнения вызывает и следующий факт: в силу того, что за годы своего правления Путин успешно консолидировал авторитарную власть, нам стало казаться, что русское “национальное самосознание” достаточно едино; между тем в 1990-х годах многие аналитики настаивали, что этнические различия российского населения вкупе с острыми идеологическими спорами о том, является ли Россия либеральным, славянским, несоветским или же имперским государством, представляют собой серьезное препятствие для

мобилизации российского общества в поддержку государственных институтов. Поэтому возникает вопрос: причислил бы Вэй Российскую Федерацию в категорию стран со “слабой степенью расщепленности” (low split) национальной идентичности (С.145) *изначально*, а не постфактум?

Действительно, придавая столь большое значение факторам национальной идентичности для объяснения характера постсоветских режимов в разных странах, автор “Плюрализма по умолчанию” слишком мало внимания уделяет тому, откуда вообще берется это самосознание. Вэй цитирует работу Кита Дардена и Анны Гржимала-Бюссе, показывающую, что время возникновения массовой грамотности в Европе и Евразии помогает понять, к примеру, почему украинцы во Львове склонны считать себя европейцами, тогда как жители Донецка, скорее, идентифицируют себя как русских³. И все же этот критерий явно недостаточен для понимания разнообразного и сложного характера национальной идентичности в современной Украине и, на самом деле, во всем постсоветском пространстве. Дихотомические различия, которые Вэй использует для описания расколов, присутствующих в национальном самосознании на Украине и в Молдове — “украинофилы” и “румынисты” с одной стороны против “русофилов” с другой — многим покажутся сомнительными: очень значительная часть русскоговорящих жителей Днепропетровска, к примеру, считает себя яркими украинскими патриотами, тогда как множество граждан Молдовы с опаской относятся к интенциям России, хотя и не готовы поддержать окончательное объединение с Румынией. В то же время в Беларуси значение “русофильской” идентичности, если это слово вообще может быть здесь употреблено, без сомнения, претерпело сильные изменения с 1991 года и до настоящего времени, особенно в связи с войной в Восточной Украине. Тем не менее, Вэй, возможно, прав, утверждая, что качественные различия в национальной идентичности на Украине и в Молдове куда глубже, нежели в Беларуси и

3 DARDEN K., GRZYMALA-BUSSE A. *The Great Divide: Literacy, Nationalism, and the Soviet Collapse* // *World Politics*. 2006. October. Vol. 59. P. 83-115.

других постсоветских государствах. Однако его аргумент был бы куда весомее, если бы он основывался на более проработанной теории происхождения и воспроизводства национализма с течением времени.

Несмотря на эти замечания, “Плюрализм по умолчанию” — это захватывающее и актуальное исследование, которое должен прочесть каждый ученый, интересующийся динамикой изменений режима на постсоветском пространстве. В особенности центральная мысль Вэя — о том, что многое из того, что мы изначально считали ростками демократии в странах бывшего СССР, возникло исключительно из-за неспособности автократических

лидеров установить монополюный контроль над государственной машиной принуждения, — одновременно и крайне оригинальна, и содержательно важна, поскольку позволяет прийти к выводам, меняющим наши представления о демократии и диктатуре в общемировом масштабе. Из всего вышесказанного следует, что книга Вэя непременно вызовет оживленные дебаты среди специалистов, занимающихся посткоммунистическими и сравнительными политическими исследованиями, и поможет им по-новому взглянуть на изучаемую проблематику.

Стивен Э. Хэнсон